

(Такъ мало дѣвъ, умѣющихъ любить);
Мы день и ночь должны его хранить,—
И, горе! если скроется оно:
Навѣкъ блаженства сердце лишено.
Мы только разъ одинъ въ кругу земномъ
Горимъ взаимной нѣжности огнемъ.

Пять цѣлыхъ лѣтъ провелъ въ Парижѣ я:
Шалилъ, имѣнне съ временемъ губя;
Первоначальной страсти жаръ святой
Я называлъ младенческой мечтой.
Дорога славы, заманивъ мой взоръ,
Наскучила мнѣ. Совѣсти укоръ
Убить любовью новой захотѣвъ,
Я сталъ искать бесѣды юныхъ дѣвъ;
Когда же охладѣвъ къ нимъ наконецъ,
Представила мнѣ дружба свой вѣнецъ;
Повеселивъ меня немного дней,
Распался онъ на головѣ моей...
Я сталъ бродить, печалень и одинъ;
Меня увѣрили, что это сплинъ;
Когда же надоѣли доктора,
Я хладнокровно ихъ согналъ съ двора.

Душа моя была пуста, жестка.
Я ходилъ тогда на бѣдняка:
Надѣясь кладъ найти, глубокий ровъ
Онъ ископалъ среди своихъ садовъ,—
Испортитъ не страшась грады цвѣтговъ;
Рылъ, рылъ,—вдругъ что-то застучало—онъ
Вздригнулъ—предметъ трудовъ его найденъ—
Приблизился—торопится—глядитъ:
Что жъ?—передъ нимъ гнилой скелетъ ле-
«Заботы вьются въ сумракѣ ночей [жить]!..
«Вкругъ ложа мягкаго, златыхъ кистей;
«У изголовья совѣсть—скорпионъ
«Отъ вѣжды засохшихъ гонить сладкій сонъ;
«Какъ вѣтръ преслѣдуетъ по небу вдаль
«Оторванные тучки, такъ печаль,
«Въ одну и ту же съ нами свѣвъ ладью,
«Не отстаетъ ни въ кущѣ, ни въ бою;»
Такъ римскій говоритъ поэтъ-мудрецъ.
Ахъ! это испыталъ я наконецъ,
Отправившись, не зная самъ куда,
И съ Сеною простившись навсегда!..
Ни дикихъ горъ Швейцаріи снѣга,
Ни Рейна вдохновенные брега
Ничѣмъ мнѣ умъ наполнить не могли
И сердцу ничего не принесли.

Венеція! о, какъ прекрасна ты,
Когда, какъ звѣзды, спавши съ высоты,
Огни по влажнымъ улицамъ твоимъ
Скользятъ, и съ блескомъ синимъ, золотымъ,
То затрещучь и погаснуть вдругъ,
То вновь зажгутся; тамъ далекій звукъ,
Какъ благодарность въ злой душѣ, порой
Раздастся и умереть во тмѣ ночной:
То пѣснь красавицы, съ ней другъ ея;
Они поютъ, и мнится ихъ ладья.
Народъ, тѣсясь, на берегу кипитъ.
Оттуда любопытный взоръ слѣдитъ

Какойнибудь красивый павильонъ,
Который бѣгло въ волнахъ отраженъ.
Разнообразный плескъ и весель шумъ
Приводитъ много чувствъ и много думъ;
И много чудныхъ случаевъ рождаетъ
Ничѣмъ ненарушимый карнавалъ.

Я прихожу въ гремѣющій маскарадъ,—
Нарядовъ блескъ тамъ ослѣпляетъ взглядъ;
Здѣсь не узнаешь мужъ жены своей.
Какойнибудь лукавый чичисбей,
Подъ маской, близъ него проходить съ ней,
И мужъ готовъ божиться, что жена
Лежитъ въ дому отчаянно больна...
Но если все проникъ лукавый взоръ:
Тотчасъ кинжалъ рѣшить недолгій споръ,
Хотя ненужно пролитая кровь
Ужъ не воротитъ женскую любовь!..
Такъ мысля, въ залѣ тихо я блуждалъ
И разныхъ лицъ движенія наблюдалъ;
Но, какъ пустыя грезы сновъ пустыхъ,
Чтобъ рассказать, я не запомню ихъ.
И вижу маску: мнѣ грозить она.
Огонь паровъ застольнаго вина
Смутилъ мой умъ, волнуя кровь мою—
Я въ домино окутался—встаю,
Открылъ лицо—за тайнымъ чудачкомъ
Стремлюсь и покидаю чудный домъ—
Быстрѣ ногъ преслѣдуютъ его
Мои глаза—не помня ничего,
Вослѣдъ за нимъ, хотя и не хотѣлъ,
На лѣстницу крутую я взлетѣлъ!..

Огромные покои предо мной
Отдѣланы съ искусственной красой;
Сіяли свѣчи яркія въ углахъ,
И живопись дынала на стѣнахъ.
Ни блескъ, ни сладкій ароматъ цвѣтовъ,
Желаньемъ ускоренныхъ шаговъ
Остановить въ то время не могли:
Они меня съ предчувствіемъ несли
Туда, гдѣ, на диванѣ опустясь,
Мой незнакомецъ, бѣгомъ утомясь,
Сидѣлъ—уже я близко у дверей;
Вдругъ—(изумленіе души моей
Чьи краски на землѣ изобразить?)
Съ него упалъ обманчивый нарядъ—
И женщина единственной красы
Стояла близъ меня. Ея волосы
Катились на волнуемую грудь
Съ восточной нѣгой—я не смѣлъдохнуть,
Покуда взоръ, весь слитый изъ огня,
На землю томно не упалъ съ меня...
Ахъ! онъ стрѣлой во-глубь мою пронигъ!
—Не выразилъ бы чувствъ моихъ въ сей мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ!..
Средь горъ Кавказскихъ есть, слыхалъ я,
Откуда Терекъ молодой течетъ, [гротъ,
О скалы неприступныя дробясь;
Съ Казбека въ пропасть иногда катясь,
Отверстіе лавина завалить:
Какъ мертвый, онъ на время замолчитъ...